

ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

НОЧЬ
ПАДШИХ
АНГЕЛОВ

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Дарья Кожевникова

Ночь падших ангелов

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Ночь падших ангелов / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2020 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-109213-9

Гуляя после работы по набережной, Роман Тарталатов знакомится с сектанткой Ланой. И хотя он далек от проповедей, которые читает ему девушка, он встречается с ней снова и снова, понимая, что влюбился. Беспокоящиеся за Романа родственники выясняют, что проповедующие днем на набережной сектантки ночами перевоплощаются в ночных бабочек – неких падших ангелов. Но вместо того чтобы отвратить Романа от Ланы, это заставляет его загореться желанием ей помочь. Вот только сделать это можно лишь одним способом – проникнув в секту изнутри...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109213-9

© Кожевникова Д. С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

1	6
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дарья Кожевникова

Ночь падших ангелов

*Посвящается Ярызько Сергею Александровичу, человеку
необыкновенной силы воли, мужества и отваги, вызывающих у меня
искреннее восхищение..*

От Автора

© Кожевникова Д. С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

Иннокентий Евстахов изучил последний листок отчета, составленного его помощниками, и убрал папку с документами в тайник под сейфовым замком. Слишком криминальная была бухгалтерия, чтобы можно было хранить ее где-то еще.

– Дела неплохо идут, – поделился он мыслями с Захаром, своим помощником. – Теперь надо бы эти деньги легализовать да пустить в оборот под проценты. Есть у меня один подходящий вариант: банк я хочу к рукам прибрать. Только для этого придется вначале справиться с его хозяином, слишком уж стреляным воробьем. Такого легче устранить, чем обвести вокруг пальца. Но я дам ему шанс. А пока... что у нас там со следующей отправкой товара, решили вопрос?

– Решили – лучше не бывает! Курортный город, курортный сезон! Самое подходящее время! Найти машину из нужного нам региона – раз плюнуть! Сейчас вот начнем одну товаром, и водила на халяву доставит нам его в нужное место, знать ничего не зная. А там, на месте, останется только еще раз до машины добраться да незаметно вынуть все заложенное. Ребята у нас в мастерской специально так прячут, чтобы изъятие можно было провести быстро и без проблем. Почти никакого риска!

– Никакого, кроме финансового, если вдруг что-то пойдет не так, – проворчал Иннокентий, очень не любивший терпеть убытки. Особенно эта нелюбовь обострилась в последние два года, за которые он не раз прогорал, лишившись поддержки своего влиятельного компаньона, Бориса. Еще пару лет назад Борис был в этом городе подпольным императором, той сметающей любые препятствия силой, к которой Иннокентий всегда мог обратиться за помощью. В обмен на половину прибыли, разумеется. Но по тем временам прибыль была такова, что, даже отдав Боре его жирный кусок, оставалось, чему порадоваться.

Борис держал стальной рукой и город, и весь район. У него были связи для решения административно-дипломатических вопросов, а также отряд боевиков, способных уладить все, на что связей не хватало. При такой поддержке Иннокентий не знал провалов в реализации своих идей. А потом все резко закончилось. Боря внезапно и глупо погиб, и с кончиной императора сама его империя развалилась почти в одночасье.

Никто из Бориных приспешников не смог занять его место, не сумел вести дела так, как он. Ни хитрости, ни авторитета ни у кого для этого не хватило.

И надо же Боре было так нелепо погибнуть в самом расцвете лет, всего лишь погнавшись за каким-то сопляком на мотоцикле! Сопляком, посмевающим шантажировать Борю – то ли по глупости своей, то ли от незнания, с кем он, вообще, имеет дело.

Борю этот щенок очень тогда рассердил. И попадись он, Борины бойцы его без наркоза на молекулы бы разобрали. Боря, вообще, такие забавы любил, оттого и принял личное участие в той «охоте на дичь». Но на стороне щенка сыграла сама судьба, распорядившись, чтобы Боря во время погони попал в автокатастрофу. И с его гибелью сразу все пошло наперекосяк.

Полиция резко активизировалась. Боевики, наоборот, рассредоточились, потеряв своего главнокомандующего. А отлаженные Борей системы обогащения начали ломаться одна за другой, начиная с «Золотой тайны», стриптиз-клуба, в котором Боря организовал очень даже прибыльные гладиаторские бои, где девушки выходили сражаться против собак, а ставки взлетали до небес.

Это любимое Борино детище было захвачено ОМОНОм в первый же день после его гибели, а Иннокентий там тоже свою немалую долю имел. С тех пор дела у Иннокентия пришли в упадок. И до недавнего времени все его попытки поправить свое финансовое положение заканчивались крахом. Успех замаячил на горизонте лишь в последние месяцы, когда отчаявшемуся Иннокентию пришла мысль обратиться за помощью к самому богу. Прибыль, такая, к

какой он привык при Боре, наконец-то снова потекла к нему в руки. Но страх перед убытками все равно оставался: чем больше увеличивались доходы, тем страшнее было терять.

– Что-то может пойти не так и у наших собственных курьеров, от случайности никто не застрахован, – возразил Захар, не догадывавшийся о мыслях своего босса. – Те, если попадутся, то еще и что-то выболтать могут. А наши перевозчики поневоле – ничего. Мы же будем использовать их вслепую. Знай выбирай регион да начиняй машину перед отъездом.

– Ладно, молодцы, хорошо придумали, – сдался Иннокентий. Задумчиво потер рукой кончик носа – привычка, от которой он никак не мог избавиться. Хотя она никого так не раздражала, как его самого. Словно он этим своим жестом специально активировал внимание на этой своей части лица, мясистой и вздернутой, за которую, как он знал, ему даже прозвище дали: Ноздрев.

Ах, как его это из себя выводило! Он в свое время даже хотел пластику сделать, но не стал, чтобы не показывать окружающим, как его задевает их внимание к его носу.

Но теперь все изменилось. Отныне его лик совершенен, как бы он при этом ни выглядел! На него молятся, перед ним падают ниц! И почему это ему раньше в голову не пришло: там, где невозможно чего-то добиться нахрапом, как это Боря умел, можно действовать исподволь, завладевая умами людей.

Он, врач-психиатр по образованию, начал этот свой новый бизнес вроде как с лекций о здоровом образе жизни. Обрел своих почитателей, начал собирать полные залы. А потом ненавязчиво, но весьма стремительно его учение начало приобретать религиозную окраску. И – успех!

Этому многое способствовало: его проникновенный голос, его тщательно продуманные речи. А главное – добавки, что тлели в кадилницах у его помощников, вызывающие восторженное состояние, доходящее почти до эйфории. Против такого коктейля мало кто мог устоять, и количество горячих поклонников Иннокентия (теперь – святого Евстафия) стремительно росло. Сейчас дошло уже до того, что они организовали свою общину на территории города, где у Иннокентия еще в его лучшие времена с целью вложения денег был выкуплен солидный участок земли – бывший пионерский лагерь.

Тут некоторые Борины солдафоны, оставшиеся беспризорными, попытались сунуться к Иннокентию с рэкетирским наездом, и это оказалось очередной удачей. Он узнал их, а они – его, после чего все взаимные претензии сошли на нет, а вместо этого появилось совместное дело. Да теперь уже не одно! Так что в последнее время «Святой Евстафий» лично уже не проповедовал. Теперь он лишь изредка появлялся среди своей паствы, чтобы поддерживать в них религиозный огонь. Ну, и еще одно исключение делал – для своих девочек, для своих несравненных «падших ангелов», которые ради преподобного были готовы на все.

Вот и сейчас, заканчивая разговор, Иннокентий поинтересовался у Захара:

– Ты сестру Млаву с собой привез?

– Конечно, как вы просили.

– Тогда ты свободен, а ее сюда позови.

Помощник понимающе ухмыльнулся и вышел, заставив Иннокентия нахмуриться: каков мерзавец, а? Или думает, этой его ухмылки не было заметно? Впрочем, за верную службу многое можно простить. Даже то, что и этот ушлый тип, и три курирующих лагерь «наместника» тоже не упускали случая побаловаться с «падшими ангелами», покорными их «святой воле».

– Здравствуй, дитя мое! – проникновенно сказал он ладной и статной девушке, шагнувшей к нему через порог.

– Здравствуйте, преподобный! – благоговейно выдохнула она, не поднимая глаз.

– Ну, что же ты стоишь у дверей? Пройди, дитя! – позвал Иннокентий, разваливаясь на диване и задирая свою рясу, специально надетую для этого случая. – Помоги мне! Послужи мне своим светлым грехопадением!

Неслышно ступая, сестра Млава подошла к дивану и опустилась перед ним на колени.

* * *

Роман Тарталатов возвращался с работы. Генка подкинул его на машине от промзоны, где находилось их предприятие, до города, а дальше – сам, один. Пешком, неторопливо по набережной, оглядываясь на проходящих мимо людей. Те шли каждый со своими мыслями, и наверняка ни один из них не думал о том, какое это счастье – просто уметь ходить.

Эту свою возможность люди воспринимали как должное, не то что он, который несколько лет был прикован к инвалидному креслу. А вот сегодня он тоже шел, сам, с работы домой! Правда, с тросточкой, теперь – с его неизменной спутницей, но после всего пережитого это была уже сущая ерунда.

Он ходил! И даже не поленился сделать сегодня крюк, чтобы на набережной побывать.

Роман остановился у невысокой, по пояс, балюстрады, огораживающей набережную от пляжа и спуска к нему, подставил лицо освежающему бризу. Летний южный день уже шел к своему завершению, солнце уже не палило так, как в полдень, но воздух был напоен зноем, и тонкая рубашка на спине все равно была влажной.

А вода заманчиво играла перед ним золотыми переливами солнечного света, скользящего по волнам, таким же легким, как и поднявший их ветерок. Она была прозрачной, словно хрусталь, можно было разглядеть каждый камешек, каждую веточку водорослей на дне. И дальше, где дно уже не охватывалось взглядом, эта прозрачность все равно угадывалась – по цвету морской воды, более светлой над песчаным дном и более темной там, где дно было покрыто подводным лесом.

Скинуть бы сейчас с себя одежду, разогнаться бы и нырнуть! Вынырнуть уже далеко за линией прибоя и мощными гребками понести себя дальше, сквозь этот прохладно-лазурный шелк!

Но вот об этом Роман мог только мечтать, любясь водой с берега. В море он забирался только при помощи Генки, своего названного брата, мужа сестры. Да и то они выбирали для этой цели пустынные дикие пляжи, потому что здесь, среди множества людей, особенно среди бегающих по мелководью ребятишек, Роман стеснялся раздеваться и показывать свое тело.

Гена с Аглаей, его родной сестренкой, дружно уговаривали его: «Да не сходи ты с ума, будь ты проще! У тебя же что плечи, что торс – как у Аполлона, вообще, статуи можно лепить!» Да, наверное, так. Можно лепить статуи, если при этом ниже пояса не смотреть.

И преодолеть себя, скинув на многолюдном пляже брюки, Роман не мог. Быть может, в будущем, когда он станет старше, он сможет побороть свои комплексы, или они сами к тому моменту отступят на второй план. Скажем, годам к сорока. Но сейчас ему еще и тридцати не исполнилось.

– Молодой человек! Можно задать вам вопрос?

Он был не старым и не собакой, просто так задумался, что не сразу понял: это к нему обращаются. Девушке пришлось еще раз его окликнуть, чтобы он наконец развернулся к ней. И застыл, разглядывая это чудо. Право, было, на что посмотреть! Девушка была тоненькой, какой-то уже за гранью реальности, особенно руки, сжимающие уродливую холщовую торбу. Юбка на ней, как у цыганки, была почти до земли. Но у цыган одежда пестрая, радует глаз, а у этой – черный низ, коричневый верх. Кофта с рукавами, несмотря на жару. Вон, даже капельки пота виднеются на аккуратном курносом носике. Волосы золотистые, прямые, длинные, поперек лба на древнеславянский манер перехвачены узкой ленточкой.

– И что же тебе, дитяtko, надо? – Роман сумел не улыбнуться, когда увидел ее, но не удержался от иронии – ну слишком уж серьезный вид у нее был.

– Я не дитяtko! – девушка смутилась, вспыхнула.

– Правда? – спросил он, стараясь сохранять серьезный вид. – Ну ладно, поговорим тогда как взрослые люди! – Чего она от него хотела, и так было ясно: этот серый мышонок, так диссонирующий с залитой солнцем набережной, мог быть только из очередной какой-нибудь секты. Вроде в этом году какие-то «дети солнечного бога» были у них в городе на слуху. – Хочешь узнать, верю я в бога или нет? Таки да, малыш! В Гефеста, в Посейдона. В Бахуса – так вообще не вопрос!

– Бог может быть только один! Истинный бог! – с жаром выдохнула девчужка. – Свет и любовь! Все остальное – ересь, ведущая во зло и во тьму!

Ну да, как всегда! Имена богов меняются, суть остается прежней: только у них, в секте, истинный, все остальное – фигня! Как будто для каждой религии на небе сидит свой персональный бог, а на земле просто надо выбрать кого-то из них, ну чисто депутата из общей кучи рвущихся на вожденное место! Смешно!

Но девчонка такая вся какая-то беззащитная, с таким трогательным лицом и чистыми глазами, какие обычно бывают лишь у детей. Не хочется обижать ее, отправляя посылком куда подальше. Только он сегодня устал. Остановился вот на море полюбоваться, а тут эта дуреха с ее «божественными идеями» и с книгами, легко угадывающимися в уродливой торбе. Стоит и так на него смотрит, что больше всего ее хочется просто приобнять, ласково похлопав по тоненьким плечикам, а не всякие бредни выслушивать.

Нет, не может он этого ребенка обидеть!

– Ты хочешь, чтобы я послушал о твоём боге, малыш? – Роман усмехнулся, заметив, как ее смущает такое его обращение. Но он никак не мог назвать ее по-другому! – Хорошо, я согласен, если ты меня слишком рьяно мучить не будешь. Только для начала давай с тобой присядем вон на ту скамеечку, – он кивком указал на скамью со спинкой, заманчиво пустующую под сенью пицундских сосен. Местечко было уютное, даже с претензией на некоторую интимность, так что наверняка пользовалось популярностью у влюбленных парочек с наступлением темноты. Но девчужка и сейчас вся вспыхнула:

– Я... да вы что?!

– Успокойся, я ничего дурного не имею в виду. Не в моих привычках детей обижать. Просто наш с тобой разговор займет какое-то время, а мне долго стоять тяжело.

Тут только девушка заметила его трость, приставленную к балюстраде. Перевела взгляд с нее на лицо ее хозяина. Он улыбнулся ей не слишком-то весело, а потом жестом фокусника приподнял обе свои брючины, обнажая не ноги, а современные конструкции из металла и пластика. Аечка, сестренка, на пару с Геной постарались, чтобы у него были одни из лучших протезов, потому что обеих ног у него не было до самой верхней части бедра, так что даже один сустав пришлось протезировать.

Как и следовало ожидать, девчужка после такой демонстрации снова залилась краской, но уже совсем по другой причине. Тон ее изменился, стал участливым:

– Прости, брат мой! Я вижу, что ты в этой жизни страдал! Тогда нам есть о чем поговорить. Пойдем. Устраивайся, как тебе будет удобнее.

Он устроился – сел на скамейку отточенным движением, чтобы при смене положения не сбить крепления на протезах. Как ни крути, а передвигаться на них было совсем не то, что на живых ногах, и имелось множество нюансов, неведомых здоровым людям. Но он, в прошлом мотоциклист-ас, обладающий отменной координацией, сумел освоить эту науку. Тем более что выбора у него все равно теперь не было.

– Ну вот... тебе удобно... ничего не беспокоит? – заботливо спросила девчужка, присаживаясь на самый край скамейки, вполборота к нему.

– Нормально. – Он снова окинул девушку взглядом. Сдержал улыбку, заметив, что она опять смутилась, такая вся беззащитная и диковатая, как маленький котенок. – Может, скажешь, как тебя зовут, малыш?

– Милана... сестра Лана, так меня называют.

– А я – Роман.

– Брат Роман. Ты позволишь так тебя называть? Я чувствую в тебе душу, способную познать бога во всех его откровениях.

– Ну что ж, давай. – Его забавляла восторженность в ее глазах, она теперь смотрела на него, как на мученика. Но сам он таковым себя не считал.

Совсем не слабак по натуре, он, потеряв обе ноги, может, и готов был сломаться, но Айка с Геной не дали. Расшевелили, да еще как! Он быстро забыл о своей депрессии, когда ему пришлось бороться с убийцей любимой девушки и спасти от смерти собственную сестру. А дальше были клиника и протезы. И работа в автомастерской, начатая, еще когда он с кресла не встал. В общем, шаг за шагом, но он в этой жизни поднялся после того, как его искалечили, пусть и не на свои ноги, и не видел повода заикливаться на своем состоянии, разве что на пляже. А помимо пляжа он привык бороться и идти вперед, дорожа каждой маленькой победой, что вроде бы мученикам совсем не пристало. Или он как-то не так их себе представлял.

Лана начала свою проповедь издалека. Он не слишком вдумывался в то, что она говорит, а просто пытался ухватить смысл сказанного. Сам же все смотрел и смотрел на нее, на тоненькую, робкую. И любовался этой нежной девчушкой. Он таких еще никогда не встречал! Даже в своей прошлой разгульной жизни, когда на своем великолепном байке катал то одну, то другую девчонку, а потом расставался с ними, не оглядываясь, хотя от него порой ожидали совсем другого.

Но он никогда никого не обманывал, потому что, поступи так кто с его родной сестренкой, он бы обидчика по стенке за это размазал. Так что каждой своей знакомой он сразу честно заявлял, что к серьезным отношениям не готов, предоставляя ей выбор: связываться с ним, непутевым, или послать подальше.

Некоторые в самом деле посылали, едва выслушав, за что он не обижался, ведь именно ради этого предупреждал. Некоторые воспринимали его таким, каков он есть, завязывая с ним непродолжительную, но увлекательную интрижку. А были и такие, кто непонятно на что надеялся, несмотря на его честное предупреждение.

Но в любом случае заканчивалось тем, что он уезжал в своей кожаной косухе под басовитый рокот мотора.

А потом судьба, словно ему в отместку, поменяла роли. И в его жизни появилась Аллочка, Айкина подруга, которую уже он, потерявший ноги, безнадежно влюбленный инвалид, просто боготворил. Прекрасно понимая, что перспектив у него с ней нет и что редкие счастливые минуты с ним наедине Аллочка дарит ему лишь из сочувствия. Он принимал их с благодарностью, больше ни на что не претендуя, а только мечтая после о том, как у них все могло бы быть, сложись все иначе.

Но даже к своей обожаемой Аллочке Роман не испытывал такой вот внезапной нежности, как к этой девчушке, что сидела сейчас перед ним. Тоненькая, хрупкая, беззащитная. И ради того, чтобы она еще побыла с ним рядом, Роман был готов выслушивать любой религиозный бред. Впрочем, зерно здравого смысла в ее речах было. Вперемешку с религиозным мусором и логика присутствовала, и философия. Роман мог оценить ее речь по достоинству, ведь высшее образование он не получил лишь потому, что вскоре после его возвращения из армии погибли их с Айкой родители, и он, тогда еще не инвалид, остался с сестрой-подростком на руках. В такой ситуации ему пришлось забыть о себе и своих планах на будущее, но это не означало, что он разучился читать и думать.

А Лана все вещала, вдохновленная его вниманием. О боге, о перерождении после смерти (не христиане, значит, ребята?), о поэтапном переходе от одной ступени жизни к другой. Это уже чем-то смахивало на буддизм. Впрочем, бессмысленно было пытаться квалифицировать

то, что слеplено из кусков. Но слеplено было продуманно и добротнo! И лейтмотив почти всех религий – смирение – поставлено во главу угла.

Смирись, и за это воздастся тебе в следующей жизни. А в нынешней жизни даже не помышляй о том, чтобы правду искать! Ведь те, кто сейчас правит миром, даже если делают это несправедливо, то не просто так это могут – нет, это им богом дано за заслуги в их прошлой жизни.

На каком-то этапе, слушая Ланочку, Роман ощутил прилив ярости: смириться, когда тебя калечат за то, что ты отказываешься участвовать в убийстве? Или смириться, когда обнаглевший от своей безнаказанности старый садист, мнивший себя хозяином этого города, пытается твою сестру растерзать зубами неадекватной, наколотой препаратами собаки? Так же, как растерзал уже Аллочку, ставшую его первой жертвой?

Будь перед Романом сейчас не Лана, он, переживший все это, нашел бы, что ответить на призывы к смирению. Но у нее лишь спросил, сдерживая эмоции:

– Скажи, малыш, а если эти, кто сейчас на верхней ступени перерождения, выделяют такое, что даже последней твари в голову не взбредет? Тогда перед ними тоже не следует роптать?

– Да! – выдохнула девчушка после небольшой паузы и с таким видом, что нетрудно было догадаться: она и сама не раз задавалась этим вопросом, но сумела себя убедить в правильности проповедуемых заповедей. – Бог их будет судить по окончании очередного этапа их жизни. А сейчас им позволено все за их прошлые заслуги.

– Понятно. – Роман вздохнул. Его так и тянуло спросить: «Девочка, милая, наивная, как ты попала сюда? Может, родители тебя сейчас ищут всюю по всей матушке-России? А ты здесь, как в липкой паутине. И свято веришь, что так и надо, что ты тут необходима, чтобы творить добро». – Лана, а сколько тебе лет?

– Зачем тебе это, брат мой? – растерялась она.

– Ну вот, только я отвернулась, как он себе еще одну сестренку завел! – усмехнулась незаметно подошедшая к ним девушка.

Айка! Как некстати! Наверное, шла с работы – кафе, где она работает поваром, расположено неподалеку, на набережной, – и, наученная в этой жизни все примечать, сумела высмотреть брата даже в его маленьком убежище на скамейке. Но не судьба было при этом сообразить, что к чему, и мимо пройти?

Ромка постарался, чтобы по его лицу сестра поняла, что он сейчас про нее думает, однако Айку это не заставило быстренько исправиться и исчезнуть.

– Здравствуйте! – кивнула она девушке, без приглашения присаживаясь на скамейку рядом с братом. – А и в самом деле, сколько вам лет?

– Двадцать четыре, – тихо пролепетала Лана.

Надо же! Оказывается, она даже чуть старше Айки! А он бы ей больше восемнадцати никак не дал. Наверное, ее хрупкость тому причиной, и лицо трогательное, беззащитное. Айка, сестренка, тоже была худенькой, но смотрелась совсем иначе. Отчаянная девчонка, которой палец в рот не клади, и уж вторую щеку обидчику точно никогда не подставит! Может, Ромкино «мальчишеское» воспитание на ней так сказалось, но у Айки даже по глазам видно, что она не из робких безответных ангелов. А вот Лана... та, казалось, сейчас готова была заплакать.

– Лануська, малыш... – Роману ничего не оставалось, как представить девушек друг другу под внимательным взглядом сестры.

Ну догадалась бы отсюда свалить, ведь всегда же все понимала на уровне мысли! Но, похоже, на этот раз Айка просто не желала оставлять его здесь. Что ему оставалось делать? Не силой же ее отсюда выталкивать! А в ее присутствии дальнейший разговор с Ланой не заладился. Пришлось, смиряя, как и заповедано, все свои эмоции, подниматься с милой сердцу скамейки под взглядом Ланы, зовущим и трепетным.

Но Роман не прощался с Ланочкой насовсем! Пусть там Айка хоть обфыркается у него за спиной, а несколько книг он у девушки взял и дал ей свой телефон, чтобы они могли договориться о следующей встрече.

Отойдя от заветной скамейки, Роман хмуро обратился к сестре:

– Давай сюда пакет, книжки в него заодно положу.

– Смотри, чтобы не запылились, – вздохнула она с фальшивым сочувствием, без споров отдавая ему свою ношу. Знала, что в этом отношении он не терпит к себе поблажек: сумки должен нести мужчина, а с ногами он или без, это уже его собственные проблемы.

– Не запылятся, – буркнул он, не делая попыток равноценно ответить на ехидный выпад сестры.

– Ваша светлость не в настроении? – спросила Айка, озадаченно взглянув на брата.

– Представь себе! Айка! Какого лешего тебя принесло? Ведь я же не суюсь на кухню, когда вы там, типа втихаря, с Генкой целуетесь!

– Ромка! – Теперь сестра выглядела удивленной. – Я-то думала, что эта девица взяла тебя в оборот, а ты по доброте душевной не можешь сам от нее отмазаться. А ты что, оказывается, запал на эту бесцветную шва... ой, прости! – осеклась она под хмурым взглядом Романа. Но все же закончила, уже с озорным огоньком в глазах: – ...бру? – И продолжила, снова переключаясь на серьезный тон: – Ромка, а оно тебе надо, с такими связываться? Она же сектантка! Запудрит тебе мозги...

– Айка, мне сколько лет? – невинно осведомился он.

– Да большой, большой уже мальчик! Но знаешь, в эти секты людей постарше тебя, а может, и поумнее затягивали. Это же целая наука, поставленная на поток!

– Не переживай, со мной все в порядке будет. Да пробегу глазами по ее брошюрам, но только чтобы с ней в следующий раз беседу поддерживать.

– Все начинается с малого! – не сдавалась сестра.

– Айка, ну хватит! – Роман все еще был под впечатлением от Ланочки, так что говорить ему сейчас не хотелось, а думать тянуло совсем о другом. – Вижу, что она тебе не приглянулась. Но вспомни, что Генку я в первый раз тоже не слишком приветливо встретил. А теперь?

Теперь, после всего пережитого, они были друзья – неразлейвода. Еще с тех пор, как Генка на спине стаскивал его, безногого колясочника, с лестницы, чтобы на море первый раз отвезти. Потом Гена открыл Роману глаза на то, что его сестра участвует в подпольных боях с собаками в клубе «Золотая тайна», где Аллочка была убита, и они вместе продумывали, как Айку оттуда вытащить, попутно развалив все это подполье.

Получилось. Владелец клуба, Борис, был теперь мертв, а следствие по делу о нелегальном ринге велось до сих пор. Влиятельные дяденьки, зрители ринга, попавшиеся на этой забаве, затягивали его, как могли. И Романа это выводило бы из себя, если бы не одно «но»: Айка, как участница тех событий, тоже до сих пор была под следствием. Один только Гена смог этого избежать, потому что он, бывший тогда одним из охранников, как раз в момент захвата клуба ОМОНОм отлучился на склад за вином. А когда другие охранники клуба попытались заикнуться про него приехавшему следаку, тут уж Айка вмешалась: либо о Генке, без того уже судимом, они молчат себе в тряпочку, либо она раскроет рот и такого про них про всех наплетет! Чего было и чего не было! Вовек не отмоются.

Ах, не по совести поступает? А топить с собой товарища, которому повезло ускользнуть, – это по совести? Вам от того, что у него тоже будут неприятности, все равно легче уже не станет!

И ведь сумела там всех убедить!

Зная Айкин характер и то, что она не станет слов на ветер бросать, никто про Генкино участие в том деле даже не заикнулся. Он же, Генка, стал с того времени опорой для их семьи. Работы в «Золотой тайне», конечно же, лишился, но гулял без нее недолго. Их с Ромкой общие

приятели помогли, из местного байкерского клуба «Летящая стая». Дали ему рекомендации в крупную автомастерскую, куда Генку, классного автослесаря, и так бы приняли, если бы не его судимость. Таких работодатели остерегаются брать, поэтому Генке пришлось максимум усилий приложить, чтобы оправдать оказанное доверие. Но он справился, даже сумел выбиться в старшие смены.

А потом... потом он взялся за Ромку: ты, брат, со своим богатым опытом не хочешь ли тоже делом заняться? Ног нет? Но голова-то и руки твои золотые на месте! Будешь сидя работать, это осуществимо, а дел там – невпроворот.

И Ромка решился! За что потом не раз Генку благодарил. И дело было даже не в стабильном источнике дохода. Просто благодаря работе Ромка еще до того, как встал на протезы, снова почувствовал себя самостоятельным и нужным. Одним словом, вернувшись в строй.

Вот только с личной жизнью все обстояло хуже. Возможности для знакомства были, и на работе женский пол проявлял к нему интерес, даже зная о его увечье. Но после Аллочки ни одна из женщин не находила отклика у Ромки в душе. Не цепляло. Вплоть до сегодняшнего дня, когда его угораздило встретиться на набережной с этим нелепым и трогательным существом.

Бывает же такое! Вот тебе и ответ на вопрос, существует ли любовь с первого взгляда! Еще сегодня днем Ромка, не колеблясь, ответил бы «нет» на подобную глупость. А вот теперь этот вопрос заставил бы его задуматься. Потому что он никак не мог выкинуть Лану из головы! И даже испытывал что-то вроде ревности при мысли, что не только к нему она подходила со своими беседами. Что всяк, кому не лень, может с ней болтать, а кто-то – еще и ранить эту милую девочку грубым словом.

2

Семейка у них была как на подбор! Айка, ради того, чтобы заработать брату на протезы, начавшая участвовать в подпольных гладиаторских боях. Гена, когда-то уничтоживший подонка, погубившего его сестру Верочку, но благодаря влиятельному папаше сумевшего избежать законного наказания. И он, Роман, вначале работавший на Бориса, «серого кардинала», когда-то захватившего весь этот город, потом искалеченный его боевиками за неповиновение, а после принявший активное участие в уничтожении этого нелюдя наравне с Геной и Айкой. Но зато они, все трое, знали, кто чего стоит, и не имели друг от друга никаких секретов.

Вот и свои вспыхнувшие к Лане чувства Роман не стал скрывать. Гена с Айкой удивились его неожиданному признанию и явно его не одобрили, но при этом без споров взялись ему помочь: Роману нужна была информация об этой новоявленной секте, и они обещали ее собрать. А сам он в свободное время взялся за изучение Ланиных книжек, из которых почерпнул самое главное: если хочешь зомбировать человека, тверди ему одну и ту же «истину» постоянно, через каждые несколько фраз, но только делай это на разные лады, стараясь не повторяться. И тогда человек, не имеющий в этой жизни сильных пристрастий или реально близких ему людей, сам не заметит, как такое вот «учение» заполнит его душевную пустоту. Он заикнется на нем и сам придет в общину, где все это проповедуют. Уверенный в том, что все это ему крайне необходимо и что другого пути у него просто нет. Если, конечно, идти путем праведным. Но ведь только такой и надо в жизни искать, разве нет? А там главное – только б с него не сбиться! Это становилось навязчивой идеей. Ведь иначе – верная гибель!

Читая весь этот хорошо продуманный текст, сулящий спасение кающимся и гарантирующий им счастье в следующей жизни, Роман не мог не оценить писателя по достоинству. Как он там себя называет? Святой Евстафий? Умен, ничего не скажешь! Как грамотно сплетающий свою паутину паук, из сетей которого уже мало кто сможет выбраться.

* * *

Спустя неделю, получив новые отчеты, Иннокентий остался очень доволен: дела шли даже лучше, чем он ожидал. Община росла, увеличивая его благосостояние с каждым новым adeptом. Ведь даже если новообращенный в своей прежней жизни не был обременен недвижимостью и не принес светлейшему Евстафию документы на свою квартиру в обмен на старый летний домик в лагере с птичьими правами на проживание в нем, тому это все равно было выгодно. Потому что работающий человек ежемесячно нес в общину свою зарплату, а питался и обходился уже только тем, что ему взамен за это дадут: перловкой, плюс списанными пищевыми отходами с рынка да дешевым тряпьем. Те же, кто до прихода в общину нигде не работал, становились дармовыми (лишь за еду!) рабочими лошадками, тоже вносящими свою лепту в обогащение «святого сообщества».

Иннокентий уже успел обзавестись пошивочным цехом, загородной фермой, а также сырьевым заводиком на месте карьера. Работа на этих объектах была тяжелой, но попавшиеся на крючок adeptы продолжали регулярно зомбироваться тщательно продуманными проповедями, так что даже не пытались роптать. Наоборот, видели в своем тяжком труде радость очищения от прежних грехов. Что позволяло Иннокентию радоваться при виде еженедельных отчетов о прибыли. Хотя, конечно, главная прибыль была не от рядовых членов общины.

Взгляд Иннокентия остановился на итоговых цифрах. Львиную долю прибыли ему несли работники его подпольной лаборатории во главе с Архипом, спившимся гением-химиком, которого Иннокентию когда-то пришла счастливая мысль подобрать. И хотя от Архипа, закон-

ченного алкаша, бывало немало хлопот, «святой Евстафий» порой сам на него готов был молиться. Ведь именно Архип изготавливал не имевшие цены гормональные препараты, которые Иннокентий уже не раз применял во многих своих замыслах, начиная с «Золотой тайны». А кроме того, под руководством этого химика команда его лаборантов синтезировала несколько видов «дури».

Некоторые из наркотиков шли для внутреннего использования, а остальные – на продажу. И они стремительно завоевывали рынок. Опасаясь сразу наводнить препаратами город, чтобы не выдать место их производства, да и просто расширяя свою торговлю, Иннокентий сбывал их в разных регионах. Он нашел точки сбыта, поскольку еще при Боре занимался похожим бизнесом. А его помощники придумали, как переправлять товар, начиная им машины ничего не подозревающих лохов. Прodelывалось это ночью, когда машины тайком от владельцев доставлялись на трейлере в автомастерскую, оборудованную на территории общины.

А еще у Иннокентия был нищенский бизнес, который ему помогли захватить Борины, а теперь его собственные боевики. Пришлось повозиться, потому что прежние хозяева не желали расставаться с прибыльным делом, так же как и с городским рынком, который Иннокентию тоже удалось отвоевать.

Ну и еще одним, очень прибыльным и, несомненно, самым чарующим источником дохода у Иннокентия были девочки. Его неотразимые «падшие ангелы», днем способные завлечь проповедью новых адептов, а ночью успешно собирающие дань с мужчин при помощи «богоугодного грехопадения».

«Падшие ангелы» с их религиозным рвением на многое были способны. Иннокентий и сам испытывал ни с чем не сравнимое удовольствие, когда развлекался с очередной из них.

Убрав отчеты, он сладко зажмурился. Сегодня он заказал своему наместнику, Агафону, чтобы тот прислал ему из общины сестру Лану. Эта хрупкая девчушка, похоже, ненавидела секс и выполняла свое «послушание» с каким-то надрывом, словно занимаясь самоистязанием, но от этого бывала особенно усердна и горяча. Иннокентий слышал от Агафона, принимающего исповеди, что в прошлом у девочки была какая-то трагедия в семье, которая и привела ее в секту.

Ни Агафону, ни Иннокентию, по большому счету, не было важно, что там случилось, так что они не стали выяснять подробности. Однако оба сходились во мнении, что побольше бы таких вот трагично надломленных девочек, потому что наряду с безропотным повиновением они еще и работают с полной самоотдачей.

– Здравствуй, дитя! – как можно сердечнее приветствовал он Ланочку, появившуюся в дверях его кабинета. – Я скучал по тебе. Иди сюда, не стой на пороге!

– Да, преподобный! – тихо ответила девушка. Она пересекла комнату, опустилась перед ним на колени и взглянула снизу вверх большими и выразительными глазами мученицы. Тут же потупилась, но Иннокентию хватило и этих нескольких мгновений, пока она на него смотрела, чтобы завестись.

Считаешь себя грешной, детка?! Вот и давай, расплачивайся за свои грехи! А твой наставник позаботится о том, чтобы ты их искупила по полной!

* * *

После знакомства с Ланочкой жизнь Романа словно поменяла русло. Все повседневные дела отступили на второй план, просто став времяпрепровождением между свиданиями с этой девчушкой на заветной скамейке.

Свидания эти были патологически коротки. На каждую беседу с ним Лана могла выделить только час, потому что у нее были и другие «слушатели». И Роман каждый раз терзался, провожая ревнивым взглядом ее спешащую куда-то фигурку. Желая растянуть их свидание,

он не раз просил у нее разрешения хотя бы ее проводить, но она всегда отказывала и была непреклонна. И даже оглядывалась, уходя, чтобы убедиться, что он не пытается идти за ней следом, вопреки ее запрету.

Но тут ее опасения были напрасны: Роман на своих протезах однозначно бы за ней, такой легкой на ногу, не успел. Оставалось только смотреть ей вслед, пока она не скроется из вида, и проклинать свое увечье. А заодно и тех, кто когда-то изломал ему ноги, намеренно сделав это так, чтобы их было уже не собрать, даже на операционном столе.

Впрочем, пользы от этих вспышек гнева не было никакой, и Роман быстро справлялся с собой. Вот только, глядя вслед упорхнувшей Ланочке, было особенно досадно осознавать свою беспомощность. Ведь каждая минута с ней ему была дорога.

Когда Ланы не было рядом, ее нежное личико часто вставало у него перед глазами, а мысленно произнесенное имя заставляло сердце Романа биться быстрее. И даже ее брошюры не вызывали у него такого отвращения, какого следовало бы ожидать от человека его натуры. Так же, как и Ланочкины религиозные речи. Правда, тут Роман жульничал: он старался уловить только суть ее проповедей, чтобы не ответить невпопад, если Ланочка о чем-то спросит. А на самом деле наслаждался отведенным ему часом, слушал ее нежный голосок, смотрел в ее глаза, такие чистые и глубокие. Иногда по-доброму подтрунивал над ней, любясь ее смущением, изредка сопровождавшимся робкой улыбкой, которую она тут же старалась погасить. И все больше утверждался в мысли, что такая, как она, даже цветок-то сорвать за грех посчитает.

Думая об этом, на одной встрече, прямо во время Ланиной проповеди, Роман решился взять ее за руку. Нежно, осторожно расправил на своей грубой ладони другой рукой ее тонкие пальчики. Она умолкла, затрепетала. Потом робко начала его убеждать, что не надо этого делать, но все же не отнимала руки. Хотя он не удерживал, а просто держал ее в своей ладони. А затем сам ее отпустил, после того как, глядя ей в глаза, коснулся этих трепетных пальчиков своими губами. Нежно сжимая, вернул ее худенькую лапку на прежнее место, откуда взял. Накрыв своей ладонью, погладил, после чего сделал над собой усилие, разрывая этот контакт. После этого они минут десять сидели рядом, и она все никак не решалась заговорить. А когда заговорила, в ее голосе слышались слезы:

– Ты больше так не должен делать, брат Роман!

– Ланочка, малыш! Разве я тебя хоть чем-то обидел?

– Сестра Лана! – голос ее подрагивал, но звучал строго.

– Ну да, сестра! – Роман обреченно вздохнул. – Но тогда задам вопрос по-другому: разве я сделал хоть что-то, что не было бы позволено брату?

– Ты сам знаешь, что нет. Но разве твои помыслы были при этом так же чисты, как дела?

– Представь себе, да! Да! – твердо повторил он, отвечая на ее недоверчивый взгляд исподлобья. Действительно, все, чего бы ему сейчас хотелось, – это сгрести ее в охапку и без всякой задней мысли просто прижать к себе. Защитить, согреть, успокоить ее, всю такую трепетную и диковатую. И замереть с ней, как замер бы человек, к которому на ладонь вдруг доверчиво села птичка. И, кажется, Ланочка сумела угадать по его лицу все его мысли, потому что ее замершее личико вдруг словно оттаяло, посветлело, а потом она снова смутилась сильнее прежнего. Потупилась, давая Ромке возможность украдкой любоваться собой. Мог ли он, заправский Казанова на великолепном байке, когда-то хотя бы представить себе, что, став несколькими годами старше, будет сидеть рядом с девушкой, как школьник, посмеив за все это время ей только руку поцеловать? Да потом еще и оправдываться за это? – Лануська, прошу тебя, не обижайся, малыш!

– Я не обижаюсь, – ответила она, глядя куда-то в сторону. – Но ты всегда должен помнить, что я принадлежу только Богу! А ты, если решил познать Его учение, не должен посягать при этом на то, что принадлежит Ему. Особенно теперь. Есть день и свет, есть ночь и тьма, и всему свое время.

Он не совсем понял смысл ее речей, в которых угадывалось нечто завуалированное, но послушно буркнул:

– Хорошо, я больше не буду!

Да, с ней надо действовать очень деликатно, если только он не хочет ее спугнуть! Она ведь не такая, как все, она сектантка с промытыми кем-то мозгами и засаженными туда тараканами. И если он хочет их оттуда изгнать со временем, то начинать надо очень издалека, вслепую нащупывая брод на этом неверном пути. Ведь, например, когда он однажды попытался пригласить ее с этой скамейки к себе домой, просто на чашку чая, желая в процессе еще хоть чем-то накормить это хрупкое существо, она среагировала на это так, как будто ей пощечину закатали. Отшатнулась, лицо побелело. И ему в очередной раз пришлось ее убеждать, что ничего дурного у него и в мыслях при этом не было. Вообще, ни единой греховной думы!

Вроде она ему поверила. Успокоилась, но повторно он пока не смел ее приглашать, даже на этот вот несчастный, отведенный для него час.

Ну как вот ее понять, этого воробья?! Вроде и тянется к нему – даже свои пальчики не стала из его ладони выдергивать, пуская в ход лишь слова – и в то же время словно его боится. И кто их только выдумал, эти чертовы секты?! Вроде законом их уже не раз запрещали, и что? Впрочем, насколько Айка уже успела выяснить, именно эта секта позиционировала себя как, ни много ни мало, «научное сообщество, изучающее и внедряющее методики здорового подхода к физическому и духовному образу жизни». Или что-то вроде того. Звучало очень солидно! А главное, со стороны закона не подкопаешься! Особенно если организаторам секты уже удалось с «божьей помощью» дополнительно договориться с представителями законной власти.

Да, в ОВД их города многих сменили после того, как раскрылась история с «гладиаторскими боями», но ведь коррупция – вещь практически неистребимая. И порой честность или пугливость очередного чиновника зависит лишь от суммы, которую ему предложили за закрытые глаза. Денег же у этой секты должно хватать, в том числе и на взятки, иначе для чего бы ее было организовывать, если не для прибыли? Точно уж не ради того, чтобы спасти этот мир! В такое могли верить только Ланочка и ей подобные. Но Роман в их число не входил.

– Брат Роман, – между тем тихо окликнула Ланочка. – Мне скоро уходить. Готов ли ты продолжить нашу беседу или нам лучше ее отложить до следующей встречи?

– А если я попрошу отложить, ты не уйдешь прямо сейчас? Можешь просто посидеть со мной рядом эти оставшиеся минуты?

– Зачем? – она снова как-то вся напряглась.

– Просто так. Просто потому, что мне очень хорошо, когда ты рядом. Не пытайся снова искать в этом моем желании какой-то подвох, его нет! Я никак не могу понять, почему тебе так трудно в это поверить. – Заметив, что его слова снова чем-то ее смущают, он отвернулся и бросил взгляд на солнечный диск, сулящий ему скорую разлуку с этой дикой девчушкой.

По мере того, как солнце все ближе склонялось к горизонту, его заслоняли высокие кроны растущих поблизости старых ясеней. И при этом казалось, сам воздух начинал темнеть, сгущаясь перед грядущими сумерками. От этой агонии уходящего дня на душе становилось то ли тоскливо, то ли тревожно. И не только у него – у Ланочки тоже.

Он понял, что их мысли созвучны, сразу, как только снова повернулся к ней и увидел ее широко распахнутые глаза, в которых отражались лучи скрывающегося за ветками солнца. Почувствовав, что он на нее смотрит, она тоже перевела взгляд на него. Их глаза встретились, и по ощущениям это вдруг оказалось даже сильнее, чем недавнее соприкосновение рук. Ланочка побледнела, дыхание у нее сбилось, но, как под гипнозом, она продолжала смотреть Роману в глаза. А он, безжалостно подавив в себе вдруг вспыхнувшее желание поцеловать ее, тихо сказал:

– Давай с тобой просто помолчим и посмотрим на солнце. На то, как оно уходит, прямо как ты от меня каждый раз. Ты тоже не любишь закат, да? Я его с некоторых пор терпеть не

могу, хотя им и невозможно не любоваться. Он прекрасен. Но неспособен ранить лишь тогда, когда за ним наблюдаешь не в одиночку.

Лана ничего ему не сказала, но ее глаза сделали это за нее. И слезы, вдруг навернувшиеся на них. Не смея ее обнять, как ему хотелось, Ромка опять дотронулся до ее руки, лежащей на скамейке. Легко, едва касаясь, провел пальцами по тыльной стороне Ланочкиной ладони. Она отвела свою руку, но опять не сразу, а с некоторым опозданием. А потом и сама отвернулась, замерла, не глядя больше ни на Ромку, ни на солнце, а только прямо перед собой.

– Ланочка, малыш, – тихо позвал он.

– Пожалуй, мне стоит уйти, – выдавила она с трудом.

– Нет! Ну побудь еще немного со мной, куда ты спешишь?

Однако девушка решительно поднялась со скамейки. Протянула ему очередную книгу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.